

Н. В. СУРЖИКОВА

**«КОРМИЛИ НАС УЖАСНО,
РАБОТАТЬ ЗАСТАВЛЯЛИ ВЫШЕ СИЛЬ»
тема вражеского плена, зверств и насилия
в российской печати 1914–1917 гг.**

В статье на материалах более двадцати периодических изданий показано, как в России 1914–1917 гг. складывалась и использовалась риторика вражеских зверств, в основании которой лежали представления об однозначно негуманном вражеском плене. Каталогизируются образы плена, сконцентрированные на страницах центральной, региональной и местной российской печати, а также демонстрируется этапность работы над ними. Автор приходит к заключению, что направление этой работы определялось не только задачей консолидации воюющего общества перед лицом врага. Постоянные апелляции к «ужасам» вражеского плена имели гораздо большее значение, став индикатором предельно прагматичного отношения российской военно-политической элиты к проблеме «жертв войны».

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, вражеский плен, риторика зверств, радикализация войны, насилие

Знакомство с литературой по теме плена Первой мировой войны, не оставляет сомнений в том, что одним из ее «узких» мест было и остается клишированное сравнение «благополучного» российского плена с его «бесчеловечными» или как минимум «невыносимыми» германским и австрийским аналогами. Ставшее общим местом утверждение о том, что «в Германии русским военнопленным жилось значительно хуже, чем иностранцам в России»¹, очевидно, напрямую связано с советской литературой периода Великой Отечественной войны, авторы которой, увязывая преступления второго и третьего рейхов, едва не договорились до нативной, природной жестокости немцев². Представляется, однако, что не критичное отношение к историографическим источникам – лишь часть проблемы. Корень же её – в нежелании отделить собственно практики плена от порожденных им дискурсов, среди которых дискурс зверств стал одним из самых устойчивых. Речь далее пойдет именно о формировании и артикуляции этого дискурса в той его части, которая была связана с пленом. Вопрос о самих зверствах, их формах и масштабах я не рассматриваю, и не только потому, что это в принципе другой вопрос. В дискуссии о том, были ли зверства обязательным компонентом Великой войны, и какая из сторон ими злоупотре-

---

¹ Ниманов 2009. С. 67. См. также: Бондаренко 2004. С. 203; Талапин 2005. С. 171, 172, 186 и др.; Щеров 2000. С. 33–34; и др.

² См.: Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. 1942; Зверства немцев в войну 1914–1918 гг. 1943.

требляла, в основном используется мелочная казуистика, тогда как главное оставлено без внимания³. Сам по себе термин «зверства» представляется весьма сомнительным, будучи, скорее, размытой метафорой, без четких дефиниций. Более того, если прибавить к выраженному экспрессивному характеру понятия «зверства» еще и неперенные бессознательные ассоциации с опытом Второй мировой войны, то и вовсе не ясно, каковы критерии идентификации зверств как таковых?

Что касается связанного, в т.ч. и с вражеским пленом, дискурса зверств, то его историчность, «объективность» несомненна, о чем красноречиво свидетельствуют речи, разносившиеся в 1914–1917 гг. по городам и весям России с разновеликих газетных трибун, бывших благодаря цензуре прочной опорой власти в работе с населением⁴. Впрочем, выхватив несколько газетных или журнальных публикаций из бесконечного числа тех, что были посвящены «ужасам» вражеского плена, увидеть в них подвох достаточно сложно. Но не увидеть его, методично просматривая номер за номером, газету за газетой, журнал за журналом, просто невозможно – невозможно потому, что представленная здесь картина плена была однозначно монохромно-безальтернативной. Отсутствие же какого-либо отличия в случае с периодической печатью, по сути своей текучей и изменчивой, тем более отсутствие, в равной степени присущее и центральному, и региональному, и местным изданиям – вот то, что действительно настораживает. Подключив, помимо такой «опции», как перевод источников в массив, еще и «опцию» их анализа, и вовсе трудно не увидеть, как рядоположенные образы вражеского плена методично слагались в схему, исключавшую любую другую риторику, кроме риторики зверств. В ее развитии легко разглядеть как минимум три этапа, содержание которых диктовалось изменениями характера самой войны и отношения к ней.

Начало первого из этих этапов совпало с началом Первой мировой войны, о чем свидетельствуют уже ранние публикации, посвященные вражескому плену. Первоначально они в красках воспроизводили те «ужасы», с которыми пришлось столкнуться подданным российской короны, застигнутым «военной непогодой» на территории неприятеля: «...Уже за три дня до объявления войны почувствовались злоеющие симптомы, хотя пресса до последней минуты толковала о миролюбии Германии. Началось с того, что русская речь по телефону была грубо прервана... Что-то непостижимое творилось в день объявления войны. На площади перед отелем, где проживали русские семьи, собралась огромная толпа в несколько тысяч человек. Толпа неистовствовала и ругала русских, угрожая кулаками... В отеле забастовала прислуга и ни

³ См. об этом, напр.: Асташов 2014; Дементьев 2014; и др.

⁴ См. об этом: Семенова 2008.

за что не хотела выполнять поручения русских... Сразу русские очутились в затруднительном положении по случаю отказа в банках уплаты по аккредитивам... Всюду конвойные, охраняя входы, ругались, то и дело пугали русских расстрелом. Не щадили пятилетних детей, чтобы навести и на них весь ужас положения...»⁵. Вокруг «несчастной» участи российских дипломатов и вовсе началась настоящая истерия, наиболее активно подогревавшаяся газетой «Новое время»⁶. Соответствующих публикаций этой газеты уже в 1914 г. хватило, чтобы на их основе были изданы «Черная книга германских зверств» и «Исследования немецких зверств». В то же время на театральных подмостках страны с успехом шла основанная на материалах газет «драма из современной войны в 4-х действиях» под названием «Позор Германии: Культурные звери», сочиненная неким М.В. Дальским.

Вслед за освещением «кошмаров», пережитых «цивильными» (гражданскими) пленными, пресса обратилась к описанию жизни военнопленных, привлекая внимание своей аудитории к далеко не случайным деталям: «...Комендант лагеря – прусский офицер – не преминул использовать пристрастие наших солдатиков к “папироске” и открыл свою собственную табачную лавочку. В первое же утро выручка составила 700 марок. Один из германских банков тут же соорудил “меняльную контору” в каком-то шалаше... “Курс” на русские деньги крайне низкий: он колеблется между 1 м. 70 пф. и 1 м. 60 пф. за рубль (тогда как обычный сейчас в Германии курс рубля – 2 м. 14 пф. – 2 м. 16 пф.). Словом, немецкое начальство наживается за счет наших солдатиков. К лагерю проведен водопровод и на возвышении устроен душ. Немцы, всегда считавшие русских грязными и называвшие их “schmutzige Russeu” (грязные русские), удивляются чистоплотности наших солдат...»⁷.

Развенчивая «неправильные» стереотипы о русских, бытовавшие в стане врага, и при том рафинируя безусловно «правильные» представления о немцах «российского разлива», источник продолжал: «Охрану лагеря несут “ландштурмисты”. Все линейные войска и ландвер находятся на полях сражений. Котбус, в котором в мирное время стоял один из лучших полков германской армии – 7-й Бранденбургский, — теперь совершенно опустел, как опустели и все города Германии. Остались одни старики, призванные в ряды “ландштурма”. Толстые и неуклюжие, одетые в темно-синие блузы и “шако” (кэпи) допотопного образца, с ружьями наполеоновских времен и штыками в виде сабель, они с опереточно-величественным видом “охраняют” наших пленных...»⁸.

⁵ В плену тевтонов // Пермские ведомости. 1914. 27 сент.

⁶ См., напр.: Зверства немцев // Новое время. 1914. 30 июля; 2 авг.; Жестокости немцев // Там же. 31 июля; Озверевшие немцы // Там же. 29 июля; и мн. др.

⁷ Наши пленные солдаты в Германии... 1914. 29 сент.

⁸ Там же.

Высмеивая врага, печать тем самым работала на его карикатурный и, в конечном итоге, негативный образ, формирование которого было одной из главных ее задач. Однако едкие замечания в адрес противника типа «“культурные” немцы», «австрийские “герои”», «эти “рыцари без страха и упрека”» не стали основным средством дискредитации врага. Прорисовывая типические черты неприятеля, пресса уже на этом этапе формирования образов вражеского плена пошла другим путем – путем нагромождения ужасов плена, документируемых пока весьма небрежно. «Русское общество дано уже тревожат слухи о притеснениях и даже надругательствах, которым подвергаются в Германии русские военнопленные. *Есть сведения*, что там наших пленных не одевают, а раздевают, отбирая одежду и обувь для своих воинов; не кормят, а морят голодом; проявляют в обращении с ними не человеколюбие, а варварскую грубость. И нет опровержения этих слухов!», – писал современник, не понимая, что тем самым фиксирует не столько реалии вражеского плена, сколько формирующуюся практику говорения о нем⁹.

Однако к завершению первого этапа формирования риторики зверств издания разного плана, от официальных до независимых, поменяли свое отношение к способу их нарративизации, все более тяготея к форме авторитетного свидетельства. «7-го мая мною, совместно с врачами Серафимовского лазарета Красного Креста в Ломже, в присутствии военных начальствующих лиц, а также полковника американской службы и нескольких пленных германцев, был произведен осмотр новой жертвы дикого германского зверства – бежавшего из плена младшего урядника Уссурийского казачьего войска Ивана Пичуева. Освидетельствованием установлено, что у него обрезаны верхние части ушных раковин тупым ножом, а на бедре прорезаны полосы наподобие носимого казаками на шароварах лампаса. Составленный акт подписан присутствовавшими, в том числе пленным германским офицером», – цитировала газета «Правительственный вестник» особоуполномоченного Красного Креста при 5-й армии И.М. Потапова 13 мая 1915 г. как одно из безусловно авторитетных свидетелей¹⁰.

Переход к нарративизации зверств в духе авторитетного свидетельства дает основания утверждать, что к весне–лету 1915 г. с первой – импровизационной – фазой развития риторики зверств было покончено. Ей на смену пришла вторая фаза – фаза формализации и официализации. Начатая прессой кампания по «коллекционированию» фактов вражеских зверств в отношении российских военнопленных на данном этапе была поддержана созданной 9 апреля 1915 г. Чрезвычайной следственной комиссией по расследованию нарушений законов и обычаев

---

⁹ Вороновский 1915.

¹⁰ Зверства германцев... 1915.

войны австро-венгерскими и германскими войсками (ЧСК), известной как комиссия А.Н. Кривцова. Подхватив порыв патриотической российской прессы, комиссия не просто быстро канализировала его в нужное русло¹¹. Отказав вражескому в сколько-нибудь нюансированном представлении, ЧСК в тесном союзе с прессой рутинизировала риторику зверств. Немногочисленные попытки отличного от уже принятого освещения реалий неприятельского плена если и были, то интерпретировались как фундирующее норму исключение из правила. «Лагерь часто посещали высшие власти, которые вникали во все мелочи быта военнопленных», – цитировала «Пермская земская неделя» захваченного под Гродно и затем отправленного в Альтдам о. Валериана (Попова), явно не питая доверия к источнику, о чем говорило не только прямое указание на «другой» характер рассказа священника о реалиях плена, но и кратно повторявшиеся в тексте оговорки «по его словам»¹².

Очевидно, что опрашиваемые членами комиссии в качестве наиболее авторитетных свидетелей зверств пленные были только рады ей помочь, охотно рассказывая о том, как кровью и потом смыли с себя позор неприятельского плена. Вместе с тем очевидно и другое. Поскольку считалось, что «военнопленные из рядов русской армии выше подозрений», экспертиза достоверности их историй являлась сугубо формальной, если таковая вообще проводилась¹³. Стоит ли удивляться, что на данной стадии статистическое приращение обличающих вражеский плен свидетельств переросло в нечто большее. Их длинного перечня, старательно составляемого ЧСК, уже к середине 1916 г. оказалось достаточно, чтобы количество перешло в качество, а именно – в стройную систему доказательств однозначно негуманного обращения противника с пленниками из России¹⁴. Иначе говоря, начавшиеся еще в 1914 г. полевые наблюдения теперь ожидаемо привели к концептуализации риторики зверств. В иерархии обязательных характеристик вражеского плена три первых места при этом заняли такие «атрибуты» неволи, как бытовой аскетизм вообще и голод в особенности, изнуряющий труд и жестокие наказания пленников.

¹¹ См.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13159.

¹² Пермский священник о немецком плене... 1916. 29 мая.

¹³ Вороновский 1915. С. 79.

¹⁴ Истязания русских пленных... 1915; Кошмары плена... 1915; 10 тысяч русских пленных солдат на полевых работах... 1915; Стерн 1915; Энге 1915; В плену... 1915; Немецкие зверства...; Германские полководцы и русские пленные... 1915; Кочеткова 1915; Зверства австрийцев... 1916; В плену у жестокого врага... 1916; Муки немецкого пленения... 1916; Возмутительное обращение австрийцев... 1916; Варвары XX века... 1916; Злоупотребление немцев при переводе денег... 1916; «Морильня» для русских пленных... 1916; Лишения русских военнопленных... 1916; Звери... 1916; Милютин 1916; Репрессии в отношении больших пленных офицеров в Австрии... 1916; и мн. др.

Лагерное пространство (неважно, какой лагерь, солдатский или офицерский, имелся в виду), по версии российской прессы, являло собой пример доведенного до крайности минимализма, а собственно плен – гнетущей своей беспросветностью непроницаемой тьмы: «...В некоторых лагерях не было абсолютно никаких построек и пленные размещались прямо на голой земле и зачастую в одних мундирах или гимнастерках оставались под открытым небом, по целым суткам испытывали нестерпимые муки холода... Наши страдальцы устраивались сами в землянках, на более сухих местах, вырытых зачастую голыми руками... Стены в таких землянках часто обсыпались, и нередко по утрам из них извлекали трупы засыпанных людей... Если же и строились бараки, то они были выстроены наспех из тонкого теса, повсюду просвечивали щели, крыши покрывались картоном, через который в дождливую погоду просачивалась вода и наполняла все пространство внутри барак-ков...»¹⁵. Духота, теснота, сырость, холод, грязь и прочие невзгоды каждодневного существования несчастных невольников дополнялись картинами их хронического недоедания. Более того, изначально скудному рациону питания пленных российская печать вообще отказала в питании как таковом, номинируя его слагаемые как недостойные называться продовольствием: в дороге пленным давали «отвратительную *сальную бурду* без хлеба», «русские пленные получают *вместо пищи* картофельную шелуху», «по утрам дают отвратительную жидкость *вместо кофе*», «суп варили – *одна вода*, мяса совсем не давали», «давали *какую-то болтушку*, которой у нас в России не ест и свинья», «завтрак – *вода*, обед – *брюква, вода* и ужин – *вода* и древесная мука», «*вместо обеда* стала выдаваться каштановая мука», «они получают *отвар* из жареных желудей», «пища готовится из различных *отбросов*, каковую даже собака не будет есть», «хлеб ... *совершенно несъедобен*, так как смешан с рубленной соломой и опилками»¹⁶. «*Nichts für die Russische Schweine (Ничего для русских свиней)*», – резюмировала пресса, для пущей убедительности апеллируя к языку врага¹⁷.

Называя непременно символом неприятельского плена еще и нечеловеческую эксплуатацию, российская печать систематически указывала на то, что, вопреки международному праву, пленные постоянно принуждались к работам на оборону: копали окопы, сооружали проволочные заграждения, устраивали переправы для вражеских войск и

---

¹⁵ Во вражеском плену... 1916.

¹⁶ Наши пленные в Германии и Австрии... 1915; Содержание в Германии военнопленных... 1915; В немецком плену... 1915; В плену у жестокого врага... 1916; Положение наших пленных... 1916; Нас четверо из плена убежало... 1916; Жизнь в плену... 1916; Величайшее из преступлений Германии... 1916; Письмо русского военнопленного... 1916; и мн. др.

¹⁷ Во вражеском плену... 1916. 10 февр.

пр.¹⁸ «Был случай, когда австрийцы заставили русских пленных тащить на себе десять орудий от Ярославля до Красна, подгоняя их ударами палок и прикладов», – писали «Пермские ведомости», ссылаясь на материалы центральных изданий¹⁹. Каторжными могли быть названы практически любые работы, на которые привлекались пленники, будь то постройка железных или автомобильных дорог, где люди, «не выпуская из рук кирки и лопаты», трудились с 5 часов утра до 8 часов вечера, или же пахота, на которой «пленных сплошь и рядом запрягали в плуг вместе с коровой или быком»²⁰. Дорисовывая картину, российские издания, добавляли: «Работник доходил до такого изнеможения, что почти в бессознательном состоянии доставлялся на руках товарищей в лагерь, усталых до последней степени»²¹. Читателю при этом оставалось только догадываться, кто же «доставлял на руках» этих самых товарищей, если каторжный труд в плену был общим местом?..

Ещё более красочно и, что показательно, пространно, печать живописала систему наказаний пленных. Речь шла именно о системе, основу которой составляли: подвешивание пленников к столбу, одновременное сковывание правой руки и левой ноги, «стояние часами “смирно” с тяжестями до нескольких пудов на плечах или в руках», «балансирование на скамейке о трех ножках или на бочке, поставленной в неустойчивом равновесии», лежание в гробу, «бег или маршировка часами и даже целыми днями с мешком песка или иной тяжестью на спине», помещение на несколько минут в чан с кислотой, отравление газами, выработывавшимися угольными печами, обливание водой на морозе или помещение в ледник, и мн. др.²² И чем более ужасен был рассказ о жестокостях вражеского плена, тем с большим упоением он живописался: «...Их поставили против барака, а затем одного из них отвели в сторону к забору и насильно положили левую руку на невысокий стол. Потом один из германцев отвинтил от ружья штык-нож и одним ударом отрубил на руке казака по половине большого и среднего пальцев и мизинца... Один из немцев при общем смехе других подобрал эти пальцы с земли и положил их в карман шаровар казака. Затем

---

¹⁸ Положение военнопленных в Германии... 1915; Чрезвычайная следственная комиссия... 1916; Возмутительное обращение австрийцев... 1916; В чрезвычайной следственной комиссии... 1916; От председателя чрезвычайной следственной комиссии... 1916; Величайшее из преступлений Германии... 1916; и мн. др.

¹⁹ Во вражеском плену... 1916. 10 февр.

²⁰ Положение военнопленных в Германии... 1915; Во вражеском плену... 1916; 10 тысяч русских пленных солдат... 1915; Кошмары плена... 1915; и др.

²¹ Во вражеском плену... 1916. 14 февр.

²² Истязания русских пленных... 1915; Кошмары плена... 1915; Германские полководцы и русские пленные... 1915; Зверства австрийцев... 1916; В плену у жестокого врага... 1916; Во вражеском плену... 1916; Истязания наших пленных... 1916; и др.

наступила очередь следующего казака. Два немца взяли в руки по тесаку и втиснули острия их ему в ушные раковины. Когда острия впились, немцы повернули рукоятки и стали вращать тесаки. Когда казак упал, его подобрала и отнесли в барак. Для третьего была придумана новая пытка. Немец ударил тесаком сверху вниз и отрубил ему нос, причем кончик его повис на кожице. Когда казак стал просить, чтобы ему отрезали нос совсем, ему было оказано “снисхождение”: немец дал ему пещерный нож, и он сам дорезал свой нос...»²³.

Систематическое «нанизывание» одних «кошмаров» вражеского плена на другие не оставляло никаких сомнений в бесчеловечности врага. Более того, на это указывалось открыто и беспелляционно: «Совершенно очевидно, что жестокое обращение с нашими пленными – распространённое и обыденное явление, и что всякий германский и австрийский солдат с этим явлением так или иначе сталкивался», «Начиная от начальников и кончая солдатами, все воспитаны на один манер, все они бесчеловечны, все бездушны, и попасть в плен к таким зверям – высшее наказание»²⁴. Однако этим работа по созданию устойчивой интерпретационной рамки вражеского плена не ограничивалась.

В конечном итоге, варваризация («варварские приемы войны», «прусский кулак», «мародеры», «палачи», «зубицы») и анимализация («немецкие лапы», «дикий приказ», «полулюди-полузвери») образа врага, посредством которых конституировались сугубо негативные (ре)презентации плена, позволили российской печати стереть дистанцию между австрийским и германским пленом, – дистанцию, которая изначально просматривалась. «В Германии наши пленные получают, по крайней мере, исправно посылки со съестными продуктами, а в Австрию такие посылки доходят редко», – констатировало одно из изданий в 1916 г.²⁵ Однако ранее то же издание позволило себе обобщить: «Такая жизнь в плену Австрии, а также и в Германии»²⁶. Дезавуируя отличия, собственные германскому и австрийскому плену, российская печать особенно «старалась» в воспроизводстве символов деградации и разрухи «культурной» Германии, используя для описания примет её «цивилизационного нездоровья» самые доходчивые жанры, например, частушки:

«Германию считают
Культурною страной.
Она же пленных кормит
Одною лишь травой.
Фасоль, траву и брюкву
Мы кушали всегда,

А немец в утешенье
Давал нам даже сыр.
Но как мы не голодны,
Но все ж, себя шадя,
Гнилой тот сыр не ели,
Бросали, не глядя.

²³ Кошмары плена... 1915.

²⁴ Во вражеском плену... 1916; Пленные о немецких зверствах... 1916.

²⁵ Из жизни наших пленных в Германии... 1916.

²⁶ В плену у жестокого врага... 1916.

Варили суп на славу:
Трава, да лишь вода...
Иль сварят тухлой рыбы —
Всех тянет в тошноту.
Тогда уж достается
Бедняге-животу!..
Получим же мы хлеба
Два фунта на три дня,
То весь съедаем сразу,
Желудка не щадя...
Давали часто кофе,
Чтоб соблности расход.
Вот тут-то чуть не плачет
Голодный весь народ.
Летели дни за днями,
Все ожидали мир,

Однако, не смущаясь,
Что все мы голодны,
Нас немец принуждает
Работать целы дни.
Голодный и бессильный
В плену наш гибнет люд,
Бесцельно пропадает
Его тяжелый труд...
Сказать без превосходства,
Что труд его тяжел
И многих от бессилья
Совсем к концу привел...
Такой-то вот «культуре»
Дивится человек,
А пленник помнить будет
"Культуру" эту век...»²⁷

Размывание границ между цивилизованной Германией и архаичной Австро-Венгрией стало не единственной метаморфозой, приключившейся с географией плена. Первоначально изобиловавшая множеством непривычных русскому уху названий – «Брикс» (Брюкс), Гермерсгейм, Клейнмюнхен, Миловицы, «Мюнцингейм» (Мюнзинген), «Солтау» (Золтау), Тухоля, «Цалаченгрот» (Заласентгрот), Шнейдемюль, Эстергом и мн. др., – она постепенно сузилась до нескольких наименований или вовсе стала «безместной»/«всеместной», тем самым фундируя перечисленные выше надлокальные характеристики плена.

Примечательно, что, описывая реалии вражеского плена с использованием лишь оттенков черного, пресса превратила в бесчеловечные муки даже проявления гуманного отношения к пленникам. «...Это был ад и смерть. Умирили массами. Солдат били, терзали, мучили. Даже прививка оспы совершалась как пытка: студент-немец, невежда в медицине, саблей прорубал в руке солдата длинную рану-царапину и на нее накладывал оспенный детрит», – «констатировала» казанская «Земская неделя», демонстрируя свою конъюнктурную безупречность²⁸. Однако думающая часть читателей российской периодики понимала, что рассказы о вражеском плене, основанные на данных ЧСК, «представляющих собой безусловно полную правду»²⁹, слишком однотипны, чтобы быть таковой. Как результат, в менее ангажированной прессе появились публикации сатирического характера, которые хоть и не могли развенчать мифологию вражеских зверств, но прямо указывали на отсутствие у ее творцов всякого чувства меры. Так, в статье Б. Мирского «Фабрика ангелов», опубликованной в «Новом Сатириконе» в апреле 1916 года, «зверства» были высмеяны через

²⁷ В плену у «культурных» немцев... 1915.

²⁸ Муки немецкого пленения... 1916.

²⁹ Содержание в Германии военнопленных... 1915.

описание сцены в лавке, хозяин которой встречал покупателя словами: «Что прикажете? Все, сударь, в нашем торговом доме имеется. Отрезанного язычка не желаете?... Самый свежий, последнего присыла... Вот, пожалуйста: пехотинцы за шеи повешены, на поясах болтаются – лица страшные, черные, языки повысунуты. У одного солдата нос отрезан, у другого ухо, а у третьего глаза выколоты и в одном глазу германский штык торчит»³⁰.

Впрочем, надо признать, что профильтрованные через составленный ЧСК вопросник «авторитетные» свидетельства плена, делали своё дело. «Надо отметить, население здесь весьма добродушно, но оно гнусным образом подстрекается баснями о германских зверствах (изуродование лиц, обрезание ушей и прочие нелепости)», – отмечал один из оказавшихся в России пленных иностранцев в своем письме на родину³¹. Даже поверженный враг вызывал у обывателя страх и панику. «Да что это начальство-то думает, – говорили старики деревни Верхние Чермоды Осинского уезда Пермской губернии, узнав о прибытии партии вражеских военнопленных на полевые работы, – ведь они, пленные, всех нас здесь погубят, перебьют, сожгут наши дома, а потом и скроются»³². Однако успех в формировании и продвижении концепции зверств, достигнутый во многом благодаря возможностям печати, совсем не означал, что со второй половины 1916 г. неприятельский плен как информационный повод себя исчерпал. Именно на этом этапе его образы, снова и снова (ре)транслируясь периодической печатью³³, в полной мере обнаружили свой манипулятивный, функциональный потенциал.

Изначально, как во всех подобных случаях, этот потенциал капитализировался в консолидацию воюющего общества. Маркируя вражеский плен как непригодную для жизни территорию, населенную (помимо самих пленных) лишь внешне антропоморфными существами, российская пресса не просто дискредитировала противника, но и актуализировала иррациональный страх перед Чужим. Демонизация врага и толкование плена как измерения, неподконтрольного человеку («страшный сон», «этот ад», «ад и смерть» и пр.³⁴), призваны были поселить чувство смертельной угрозы в душах россиян и осознание необходимости предельного сплочения перед её лицом – в умах.

³⁰ Асташов 2014. С. 69.

³¹ Государственный архив в г. Тобольске. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191.

³² [Без названия] // Пермская земская неделя. 1916. 12 июня.

³³ В ответ на жестокости немцев 1916; Жизнь в плену... 1916; Просьба наших военнопленных... 1916; Убийство болгарам пленными... 1916; Дмитриев 1917; В плену... 1917; Сонин 1917; Письмо в Московский городской комитет... 1917; Клеймение одежды военнопленных... 1917; Наши пленные в Германии... 1917; Из плена... 1917; Краков 1918. С. 17–19; и мн. др.

³⁴ Муки немецкого пленения... 1916; Нас четверо из плена убежало... 1916; В плену... 1917; и др.

Вместе с тем, только лишь единение не гарантировало быстрой победы над нечеловеческим и даже надчеловеческим злом, каким экспонировался вражеский плен и враг вообще. Её неизменным условием было страдание. «Тихий, усталый, с лицом, на котором до сих пор еще остались следы *нечеловеческих страданий*, инвалид рассказывал мне о том, что пережил он там, в тяжелом плену. Прерывающиеся, несвязанные между собою мысли, перескакивание с одного вопроса на другой, а главное, тон рассказа, в котором слышно только одно страдание, производят тяжёлое, неизгладимое впечатление», – так начиналась одна из публикаций газеты «Русский военнопленный», не только воспроизводившая трафаретный образ русского военнопленного-страдальца, но и указывавшая на страдание как на необходимое условие преодоления тягот и лишений плена и, в конечном итоге, претворения зла в добро³⁵.

«Наши герои», «наши страдальцы», «герои-мученики», «кои на чужбине несут тяжёлый крест свой»³⁶ – эти персонажи показывали своим примером, что страдание пробуждает самые благородные чувства и проверяет их на прочность. Настраивая читателя на стоическое перенесение причиненных войной страданий, российская пресса активно использовала такой эффективный способ воздействия на читателя, как фольклорные версии метафор («так-то 15 долгих месяцев *томился* врач Валуйский», «*выбрал* ночь *потемнее* и бежал», «...прошли *три* ряда проволочных заграждений и в каждом ряду *еще по три* проволочных заграждения», «...и *ещё* день, и *ещё* ночь» и т.п.³⁷). Рассказы о неприятельском плене «в жанре мученичества», с вплетёнными в них элементами «сказочной фразеологии», вызвали как к сознательному, так и бессознательному самых широких «масс», равно как и стилизация сказаний о плене под чуть-ли не священные тексты. «В одном из военных лагерей в Германии русских пленных очень плохо и недостаточно кормили; когда они доходили до острой степени отчаяния, немцы устраивали такую забаву: дневальные выносили бак с пищей и, показывая ее пленным, говорили “Ешьте”. Не помня себя от голода, пленники бросались к баку, но в этот момент из толпы окружавших *спускались с привязи собаки*, приготовленные для этой потехи; собаки с жадной злобой набрасывались на пищу. Офицеры, солдаты, горожане очень забавлялись, глядя на эту свалку и, надрываясь от смеха, кричали: “Собаки, собаки, собаки!”» – говорилось в одном из таких рассказов, вызывавшем ассоциации с картинами травли ранних христиан дикими животными³⁸.

---

³⁵ Из плена... 1917.

³⁶ Письмо в Московский городской комитет... 1917.

³⁷ Немецкие зверства... 1915; В плену у жестокого врага... 1916; Муки немецкого пленения... 1916; Нас четверо из плена убежало... 1916.

³⁸ Немецкие зверства... 1915.

Мотивы мученичества, не предполагая обязательной кончины несчастных пленников, имплицитно смыкались с идеей святости. В самих по себе пленных, страдающих за Царя и Отечество, пресса, вероятно, и не видела особой святости, но, отождествляя их страдания со страданиями воюющего общества, она будила в сознании обывателя традиционный образ Святой Руси, праведной и жертвенной. В этой связи едва ли будет слишком большим допущением аттестовать образы вражеского плена не просто как средство мобилизации российского общества, но и как один из инструментов воспроизводства воображаемой картины мира с определенным местом в нём России. Иначе говоря, в картинах германского и австро-венгерского плена, созданных посредством российской печати, в скрытой форме присутствовал тот идентификационный код, который веками «работал» на сохранение российской государственности и продолжает предлагаться России в качестве основы её «Я-концепции».

Парадоксально, но ровно та же риторика, а затем и концепция зверств, наряду с задачей артикуляции исключительности России, позволяла решать совсем иную задачу. Она давала возможность настаивать на логике включенности, интегрированности России в цивилизованный мир. После печально известных разграбления Калиша³⁹ и «изнасилования» Бельгии⁴⁰ немцами, западные союзники России, как справедливо отмечает Дж. Сэнборн⁴¹, единодушно провозгласили актуальный вооруженный конфликт войной цивилизации против немецкого варварства⁴². В этой ситуации Россия, традиционно воспринимавшаяся Западом как полудикая отсталая периферия Европы, поспешила присоединиться к обличению зверств противника, не просто дискурсивно привязывая себя к идее справедливой войны – тем самым она подчеркивала свою принадлежность к клубу передовых держав. Разница в артикуляции зверств состояла, пожалуй, лишь в том, что газеты Англии и Франции, наперебой рассказывая об отрезании немцами груди у женщин и отрубании кистей рук у детей, педалировали тему преступного насилия над гражданским населением⁴³. В России же среди сюжетов, связанных с варварством врага, на первом месте оказался сюжет о негуманном отношении к военнопленным. Это на первый взгляд невинное отличие, обозначенное прессой в посвященных деятельности Чрезвычайной следственной комиссии обзорах⁴⁴, совсем не было невинным.

³⁹ См., напр.: Engelstein 2009. P. 441–473.

⁴⁰ См. подробнее: Zuckerman 2004.

⁴¹ Sanborn 2014. P. 251.

⁴² См., напр.: Le Queux 1914; Massart 1916; Willis 1914; Thompson 1915; и др.

⁴³ См. об этом: Gullace 1997; Harris 1993; и др.

⁴⁴ В этой связи приведу лишь несколько фактов. Так, на заседании ЧСК, состоявшемся 17 февраля 1916 г., было рассмотрено 98 донесений о злоупотреблении

В России, где население национальных окраин, традиционно дискриминируемое и воспринимавшееся как второсортное, с началом войны не только не удостоилось защиты, но и подверглось реквизициям, погромам и депортациям со стороны своих же военных, говорить о страданиях мирных жителей было неловко. Нужно было искать других страдальцев, рассказы о которых день ото дня все более прагматизировались. Помимо прочего, задачей этих рассказов стало убедить общество в необходимости продолжения войны «до победного конца».

«Вот весна уже подходит,
Светлый праздник настает,
По бараку пленник бродит,
Грусть, тоска его сосет...
Много ль здесь еще страдать?
Долго ль здесь еще томиться?
Спать голодному ложиться
И от холода дрожать?
Долго ль будут издеваться
И болтушкой кормить,

Бить по морде и ругаться
И собаками травить?
Но, быть может, наши немцам
Скоро сделают капут?
Вот тогда-то будет радость,
А теперь уж как-нибудь.
Вот как думал русский пленник;
Он готов еще терпеть,
Лишь бы Бог послал победы,
Чтоб нам дерзких одолеть», —

цитировали «Русские записки» редкое по своей фабуле для 1915 г. стихотворение, «прилетевшее» из вражеского плена⁴⁵. К концу же 1916 г., когда вопрос о целесообразности продолжения войны перестал быть праздным, траговка лишений плена как необходимой для достижения высокой цели жертвы стала универсальной. Так, «Правительственный вестник», ссылаясь на вернувшегося из плена инвалида В. Измостьева, в декабре 1916 г. указывал, что «оставшиеся в плену офицеры и нижние чины умоляли его передать на родине, что они готовы перенести все испытания, все невзгоды плена в виде наказаний, голода и пр., лишь бы война продолжалась до победоносного конца и не был заключен преждевременный мир»⁴⁶. Но ни сами по себе, ни вкуче с иными доводами рассказы об ужасах плена остановить неизбежное не помогли. И после июньского наступления 1917 г. российская печать, продолжавшая твердить, что «пленные предпочитают страдания в плену заключению позорного мира с немцами или, что почти равносильно этому, отказу от наступления», фактически указывала на весьма незначительный эффект концепции зверств как средства воздействия на войска и население империи⁴⁷.

ях врага против пленных и 40 – против мирных жителей. 20 апреля того же года комиссия обсудила 74 дела о пленных и 55 – о мирных жителях. 11 мая 1916 г. эти цифры выражались показателями в 67 и 20 дел соответственно (см.: В чрезвычайной следственной комиссии... 1916; Заседание чрезвычайной следственной комиссии... 1916; Чрезвычайная следственная комиссия... 1916).

⁴⁵ Кочеткова 1915. № 10. С. 146.

⁴⁶ Просьба наших военнопленных... 1916.

⁴⁷ Наши пленные в Германии... 1917.

Столь же скромный успех концепция бесчеловечного вражеского плена имела и в другой области ее применения. Нагнетая страсти вокруг «кошмаров» вражеского плена, российская печать с достойным удивлением постоянством напоминала своей аудитории и о христианском долге материальной помощи томящимся в неприятельском плену мученикам⁴⁸. «Здесь единственное спасение в посылках черных сухарей»⁴⁹, – указывало одно издание, в то время как другое подчеркивало, что «даже немецкие солдаты охраны собирают для них [русских пленных – *Н.С.*] из сострадания подаяния с соседних жителей»⁵⁰. Среди гражданских инициатив помощи пленным стоит отметить такие, как сбор денег, продуктов и вещей, отказы от традиционных праздничных визитов, прием пленных на личное попечение («крестничество»). Все эти меры, способствуя мобилизации средств, не подконтрольных государству, имели, однако, весьма ограниченное значение и, кроме того, вели к распылению и без того скудных местных ресурсов.

При этом, активно «рекламируя» механизмы помощи пленным, успешно применявшиеся в ряде стран Западной Европы, российские издания также зафиксировали, как задача материальной поддержки пленных соотечественников постепенно превратилась преимущественно в задачу общечеловечности⁵¹. Власти же, без которых никак не могли быть налажены транспорты с хлебом в лагеря военнопленных, беспрепятственная отправка почтовых отправлений, включая посылки, обмен валют по приемлемому курсу и пр., оказывались как бы ни при чем. И чем более ни при чем они оказывались, тем непригляднее становились не только картины вражеского плена. Локально ограниченной, лишенной планомерности и согласованности при этом выглядела и деятельность организаций помощи российским военнопленным⁵². Тем самым посредством однозначно негативной артикуляции реалий вражеского плена российская пресса, желала она того или нет, давала лишний повод для конфронтации государственных и общественных институтов, а также для соперничества различных филантропических организаций в борьбе за ограниченные материальные блага⁵³.

Неуспех в использовании концепции бесчеловечного вражеского плена в целях дезавуирования неспособности российских властей позаботиться о своих соотечественниках не помешал, однако, ее дальней-

---

⁴⁸ См. об этом: Гроссман 1915; На нужды наших военнопленных... 1916; Удянский 1916; Малченко 1916; Люблинский 1916; и мн. др.

⁴⁹ Письмо русского военнопленного... 1916.

⁵⁰ Бедственное положение русских военнопленных... 1916.

⁵¹ См. об этом: Альбат 1916. № 32, № 41–42; 1917. № 58–60; и др.

⁵² См. об этом: Суржикова 2006.

⁵³ Новый план помощи беженцам...; Съезд уполномоченных Земского Союза... 1916; Министр внутренних дел о Земском и Городском Союзах... 1916; и др.

шему применению, в частности, в рамках т.н. политики самоадвокации. Ее суть – в попытках имперских властей сгладить «дефекты» и даже багателизировать⁵⁴ российский плен, противопоставляя ему «варварские» порядки противника. Именно в рамках этой политики обвинения германской стороны в безобразных условиях содержания пленных на строительстве Мурманской железной дороги⁵⁵ тут же были «парированы» тем, что «немецкие офицеры были обставлены в России почти что с комфортом, русских же офицеров в Германии третировали, как собак»⁵⁶. Для манипуляций такого рода образов «ужасного» неприятельского плена было, однако, недостаточно. Нужно было создать еще и благостные картины пребывания иностранцев в России, что явилось еще одной задачей прессы: «... Не лишено интереса следующее сообщение корреспондента “Петроградских ведомостей” о своих наблюдениях над жизнью военнопленных австрийцев в экономиях русских землевладельцев в окрестностях Мурафы. 2 скоромные дня в неделю им дается мясная пища, остальные 4 им дается рыба. Пшеничного хлеба — вдоволь: по 3 фунта на человека; горячая пища (не вода с тертыми желудями, как у немцев) — каша, суп 2 раза в день. Работают в будни 9–10 часов. Из 12 часов 3 час. отходят на еду и отдых. Всем пленным сделали работодатели легкие летние костюмы... Пишут, что, когда, сколько и куда им угодно. В воскресные и праздничные дни ходят по местечку, разговаривают с крестьянами и вообще с кем и о чем им угодно. Лица их веселые, лоснящиеся, кровь с молоком; походка бодрая... Не житье, можно сказать, а масленица...»⁵⁷ Сознательно противопоставляя вражеские «сады пыток» и отеческие «райские кущи» плена, тот же источник продолжал: «Наши солдаты, имевшие несчастье попасть в руки врага, всегда голодны, оборваны, истощены непосильными работами и при всем этом ежедневно подвергаются телесным наказаниям... Всякому безобразию должны быть границы, и если нет иного способа воздействовать на немцев, как репрессивными мерами против германских пленных..., то, как бы это ни не соответствовало русским взглядам, к таким мерам нужно прибегнуть»⁵⁸.

Призывы «принять меры» в отношении пленных иностранцев не были пустым звуком. Посыл о том, что «в то время, когда наши в Германии просто умирают от голода и жестокостей, вражеские пленные пользуются у нас такими удобствами и заботами, какими не пользуются часто даже сами русские», стал обоснованием для клеймения одеж-

---

⁵⁴ От *vagatelle* (фр.) — пустяк, мелочь, безделушка; багателизация — опустычивание, обмельчение, уничтожение.

⁵⁵ См. об этом: Nachtigal 2001.

⁵⁶ Правительственные сообщения... 1916.

⁵⁷ За неделю... 1916. 4 сент.

⁵⁸ Там же.

ды пленных в России, урезания их заработной платы, сокращения мясного пайка и числа выходных дней, ограничений в переписке и получении денежных переводов⁵⁹. Сомнительный почин властей, считавших, что действовать от противного было бы «в высшей степени несправедливым в отношении наших пленнх страдальцев в Германии и Австрии»⁶⁰, подхватили на местах, тем самым засвидетельствовав очевидные успехи в эксплуатации концепции зверств: «В конце апреля под председательством вернувшегося с фронта В.Т. Сухова состоялось собрание граждан-солдат и некоторых жителей села. Собранием признана необходимость организации всех возвращающихся граждан-солдат, каковую организацию решено назвать “Военная организация для защиты интересов местного населения”. На митинге, устроенном этой новой организацией, вынесено постановление: обратиться в Бродокалмакский волостной совет сельских депутатов с следующими ходатайствами: ...установить для военнопленных норму потребления продуктов и запретить держать свиней, которых они откармливают на убой, тогда как наши военнообязанные и пленные в Германии умирают с голода...»⁶¹.

То, что «борьба против варварства поразительно часто легитимировала собственное варварство»⁶², позволяет говорить о риторике, а затем и концепции зверств как о чем-то большем, нежели просто пропаганда. Эта риторика и эта концепция, по сути, способствовали краху того курса в отношении пленнх, который основывался на принципе взаимности. Предполагавший взаимные уступки воюющих сторон, этот курс сделал возможными соглашения о порядке обмена списками военнопленнх, оставлении ценностей и денег у пленнх в момент их обезоруживания, режиме содержания офицеров и унтер-офицеров, введении самоуправления в лагерях, ограничениях в наказаниях за побег, прогулках пленнх под честное слово, охране воинских могил и др.⁶³ Можно сказать, что эти решения какое-то время позволяли надеяться на позитивную повестку плена. Однако это была иллюзия. Компромиссы быстро уступили бескомпромиссному противостоянию сторон, когда на смену договоренностям об облегчении участи пленнх пришли обоюдные репрессалии.

Стоит ли удивляться, что позитивная повестка плена в конечном итоге отступила перед его негативной повесткой, обязанной своей по-

---

⁵⁹ Альбат 1916; Воскресный отдых военнопленнх 1916; Постные дни и военнопленнх... 1916; Лишения русскх военнопленнх... 1916; Протест против притеснения наших офицеров... 1916; В ответ на жестокости немцев... 1916; Клеймение одежды военнопленнх... 1917; Наши пленнх в Германии... 1917; и мн. др.

⁶⁰ Государственный архив Свердловской области. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3184. Л. 133.

⁶¹ С. Бродокалмакское Шадринского уезда... 1917.

⁶² Ян 2010. Т. 1. С. 187.

⁶³ См., напр.: Заключительный протокол Совещания уполномоченнх... 1916.

бедой, помимо прочего, методично выстроенным риторике и концепции зверств. Несмотря на локальные прорывы в их использовании, деструктивные в своей основе, эти риторика и концепция не только не помогали решению связанных с пленом проблем, но и способствовали его радикализации. Но это касалось не только плена. Радикализация, брутализация войны нормализовались общей логикой легитимации насилия, география которого с легкостью преодолела рамки фронта⁶⁴. Остается только сожалеть, что эта логика оставила слишком мало места для адекватной оценки распространенности сознательных, намеренных нарушений прав военнопленных. Это же, в свою очередь, практически лишает смысла вопрос о том, какой из пленов Первой мировой войны был более гуманным, отечественный или иностранный?

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Альбат Г.П. К вопросу о снабжении военнопленных хлебом // Изв. Главного Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 41–42. С. 66–74.
- Альбат Г.П. Организация помощи военнопленным во Франции // Изв. Главного Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1916. № 32. С. 57–64.
- Альбат Г.П. Основные черты организации помощи военнопленным в Западной Европе // Изв. Главного Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1917. № 58–60. С. 34–50.
- Альбат Г.П. Репрессалии по отношению к военнопленным // Изв. Главного комитета Всероссийского Земского Союза. 1916. № 51. С. 116–124.
- Бедственное положение русских военнопленных в Германии // Вестн. Российского общества Красного Креста. 1916. № 6. С. 2365.
- [Без названия] // Пермская земская неделя. 1916. 12 июня.
- В немецком плену // Пермская земская неделя. 1915. 15 нояб.
- В ответ на жестокости немцев // Пермская земская неделя. 1916. 20 нояб.
- В плену // Пермские ведомости. 1915. 5 нояб.
- В плену // Русский военнопленный. 1917. № 1.
- В плену тевтонов // Пермские ведомости. 1914. 27 сент.
- В плену у «культурных» немцев (Частушки русских пленников) // Пермская земская неделя. 1915. 5 нояб.
- В плену у жестокого врага // Пермская земская неделя. 1916 г. 24 янв.
- В чрезвычайной следственной комиссии // Правительственный вестн. 1916. 21 апр., 25 мая, 1 июня.
- Варвары XX века // Бесплатное приложение к журналу «Земская неделя» (Казань). 1916. 9, 16, 30 июня; 7 июля.
- Величайшее из преступлений Германии // Правительственный вестн. 1916. 26 нояб.
- Во вражеском плену // Пермские ведомости. 1916. 10, 13, 14 февр., 10 марта.
- Возмутительное обращение австрийцев с русскими военнопленными // Правительственный вестн. 1916. 20 апр.
- Вороновский Вл. М. К участи военнопленных // Вестн. Российского общества Красного Креста. 1915. № 1. С. 78–87.
- Воскресный отдых военнопленных // Уральская жизнь. 1916. 5 марта.

⁶⁴ См. об этом: Лор 2012; Суржикова 2014; Holquist 2002; Home 1997; Kramer 2007; Sanborn 2005; и др.

Германские полководцы и русские пленные // Саратовский вестн. 1915. 17 нояб.

Государственный архив в г. Тобольске. Ф. и-152. Оп. 27. Д. 191.

Государственный архив Свердловской области. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3184. Л. 133.

Гроссман Г. Помощь пленным // Русские ведомости. 1915. 31 окт.

10 тысяч русских пленных солдат на полевых работах в Курляндии // Зауральский край. 1915. 17 сент.

Дмитриев В. Между жизнью и смертью // Русские ведомости. 1917. 18 янв.

Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1942. 79 с.

Жестокости немцев // Новое время. 31 июля.

Жизнь в плену // Земская неделя (Казань). 1916. 4 дек.

Жизнь в плену // Пермская земская неделя. 1916. 6 нояб.

За неделю // Земская неделя (Казань). 1916. 4 сент.

Заключительный протокол Совещания уполномоченных Обществ Красного Креста Германии, Австро-Венгрии и России, состоявшегося под покровительством Его Королевского Высочества Принца Карла Шведского, Председателя Шведского Общества Красного Креста, 1 дек. 1915 г. // Правительственный вестн. 1916. 1 янв.

Заседание чрезвычайной следственной комиссии // Правительств. вестн. 1916. 18 февр.

Звери // Вестн. Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. 9–16 окт. (№ 38–39). С. 16.

Зверства австрийцев // Уфимский вестн. 1916. 16 янв.

Зверства германцев // Правительственный вестн. 1915. 13 мая.

Зверства немцев // Новое время. 1914. 30 июля; 2 авг.

Зверства немцев в войну 1914–1918 гг. (из документов первой мировой войны). Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1943. 103 с.

Злоупотребление немцев при переводе денег военнопленным // Вестн. Российского общества Красного Креста. 1916. № 6. С. 2360–2361.

Из жизни наших пленных в Германии // Пермская земская неделя. 1916. 16 окт.

Из плена // Русский военнопленный. 1917. № 6.

Истязания наших пленных // Правительственный вестн. 1916. 8 нояб.

Истязания русских пленных // Правительственный вестн. 1915. 7 июля.

Клеймение одежды военнопленных // Зауральский край. 1917. 11 июля.

Кочеткова З. Беглецы из немецкого плена // Русские записки. 1915. № 10. С. 141–148.

Кошмары плена // Зауральский край. 1915. 23 авг.

Краков В. Воспоминания военнопленного // Пленный и беженец: Ежегод. орган Саратовской губернской коллегии о пленных и беженцах. 1918. 1–15 нояб. С. 15–16; 16–30 нояб. С. 17–19.

Лишения русских военнопленных // Правительственный вестн. 1916. 14 окт.

Люблинский П.И. Помощь русским военнопленным // Утро России. 1916. 6 дек.

Малченко Б.С. Юристы в деле помощи военнопленным // Вестн. права. 1916. 4 дек.

Милотин (?) В плену // Речь. 1916. Окт.

Министр внутренних дел о Земском и Городском Союзах // Земское дело. 1916. № 11–12. С. 561.

«Морильня» для русских пленных в Германии // Пермская земская неделя. 1916. 5 июня.

Муки немецкого пленения // Земская неделя (Казань). 1916. 17 апр.

На нужды наших военнопленных // Пермские ведомости. 1916. 10 февр.

Нас четверо из плена убежало // Пермская земская неделя. 1916. 30 окт.

Наши пленные в Германии // Пермская земская неделя. 1917. 30 июля.

Наши пленные в Германии и Австрии // Земская неделя (Казань). 1915. 7 июня.

Наши пленные солдаты в Германии // Пермская земская неделя. 1914. 29 сент.

Немецкие зверства // Вестн. Приенсейского края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и высленцам и промышленности по снаряжению армии. 1915. 15 нояб. С. 14–15.

Новый план помощи беженцам // Земское дело. 1916. № 2. С. 93–94.

Озверевшие немцы // Новое время. 29 июля.

Пермский священник о немецком плене // Пермская земская неделя. 1916. 29 мая.

- От председателя чрезвычайной следственной комиссии // Правительственный вестн. 1916. 11 июня.
- Письмо в Московский городской комитет [помощи русским военнопленным] // Русский военнопленный. 1917. № 4.
- Письмо русского военнопленного из Германии Красному Кресту // Правительственный вестн. 1916. 27 нояб.
- Пленные о немецких зверствах // Земская неделя (Казань). 1916. 27 нояб.
- Положение военнопленных в Германии // Правительственный вестн. 1915. 17 июля.
- Положение наших пленных // Правительственный вестн. 1916. 7 сент.
- Постные дни и военнопленные // Зауральский край. 1916. 20 апр.
- Правительственные сообщения // Вестн. Всероссийского общества попечения о беженцах. 1916. 23–30 окт. С. 13.
- Просьба наших военнопленных // Правительственный вестн. 1916. 10 дек.
- Протест против притеснения наших офицеров в Германии // Правительственный вестн. 1916. 5 нояб.
- Репрессии в отношении больных пленных офицеров в Австрии // Правительственный вестн. 1916. 2 нояб.
- Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13159.
- С. Бродокалмакское Шадринского уезда // Зауральский край. 1917. 24 мая.
- Содержание в Германии военнопленных // Правительственный вестн. 1915. 17 июля.
- Совин М. В германском плену (по личным наблюдениям) // Русские записки. 1917. № 1. С. 51–69; № 2–3. С. 92–113.
- Стерн В. Письмо из немецкого лагеря военнопленных // Русские ведомости. 1915. 31 окт.
- Съезд уполномоченных Земского Союза 12–14 марта // Земское дело. 1916. № 7. С. 364.
- Убийство болгарями пленных // Земская неделя (Казань). 1916. 11 дек.
- Удьянский Н.Р. Помощь нашим военнопленным // Пермская земская неделя. 1916. 22 мая.
- Чрезвычайная следственная комиссия // Правительственный вестн. 1916. 29 марта, 13 мая.
- Энге Г. Несколько слов о нашем положении (письмо из плена) // Русские ведомости. 1915. 31 окт.
- Le Queux W. German Atrocities: A Record of Shameless Deeds. L.: George Newnes, Limited, 1914. 127 p.
- Massart J. Belgians Under The German Eagle. L.: T.F. Unwin, Ltd., 1916. 368 p.
- Thompson W. The Martyrdom of Nurse Cavell. The life story of the victim of Germany's most barbarous crime. L.: Hutchinson & Co, 1915. 55 p.
- Willis W. The Kaiser and His Barbarians. L.: The Anglo-Eastern Publishing Co, 1914. 64 p.

Литература

- Асташов А.Б. «Зверства» войск антирусской коалиции в 1914–1918 гг.: военный опыт и пропаганда // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 65–73.
- Асташов А.Б. Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 35–46.
- Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России: 1914–1956 гг.: дисс. ... д.и.н. Владивосток, 2004. 477 с.
- Дементьев И.О. «Исключения из общего правила»: смена вех в дискуссиях западных историков о характере русской оккупации Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны // Калининградские архивы. 2014. № 11. С. 75–88.
- Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: НЛО, 2012. 304 с.
- Ниманов Б.И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: дисс. ... к.и.н. М., 2009. 186 с.
- Семенова Е.Ю. Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам поволжских губерний) // Изв. Самарского НЦ РАН. 2008. Т. 10. № 1. С. 71–85.

- Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). М.: РОССПЭН, 2014. 423 с.
- Суржикова Н.В. Отдел помощи российским военнопленным в Екатеринбурге в годы Первой мировой войны (февраль 1915 — март 1917 гг.) // Шестые Тагищевские чтения: тез. докл. и сообщ. Екатеринбург: БКИ, 2006. Т. 1. С. 347–355.
- Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: Июль 1914 – май 1918 гг.: дисс. ... к.и.н. Омск, 2005. 240 с.
- Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск: СГПУ, 2000. 314 с.
- Ян П. «Нечисть царей, нечисть варваров». Русская оккупация Восточной Пруссии 1914 г. в восприятии немецкой общественности // Россия и Германия в XX веке: в 3-х т. М.: АИРО-XXI, 2010. Т. 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. С. 176–191.
- Engelstein L. «A Belgium of Our Own»: The Sack of Russian Kalisz, August 1914 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. № 3 (Summer 2009). P. 441–473.
- Gullace N. Sexual Violence and Family Honor: British Propaganda and International Law during the First World War // *American Historical Review*. Vol. 102. № 3 (June 1997). P. 714–747.
- Harris R. «The Child of the Barbarian»: Rape, Race and Nationalism in France during the First World War // *Past and Present*. Vol. 141 (November 1993). P. 170–206.
- Holquist P. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 2002. 359 p.
- Horne J. *State, Society, and Mobilization in Europe during the First World War*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1997. 292 p.
- Kramer A. *Dynamic of Destruction: Culture and Mass Killing in the First World War*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 446 p.
- Nachtigal R. *Die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918)*. Grunbach: Greiner, 2001. 159 s.
- Sanborn J. *Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire*. Oxford: University Press, 2014. 288 p.
- Sanborn J. *Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I* // *Journal of Modern History*. Vol. 77. № 2 (June 2005). P. 290–324
- Zuckerman L. *The Rape of Belgium: The Untold Story of World War I*. N.Y.: New York University Press, 2004. 339 p.

REFERENCES

- Astashov A.B. «Zverstva» voisk antiruskoi koalitsii v 1914–1918 gg.: voenniy opyt i propaganda // *Pervaya mirovaya voyna, Versal'skaya sistema i sovremennost'*: sb. statei. Spb.: SPbGU, 2014. S. 65–73.
- Astashov A.B. Narusheniye zakonov i obychev voyny na russkom fronte Pervoi mirovoi (po materialam rossiiskoi Chrezvychainoi sledstvennoy komissii) // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2014. № 2. S. 35–46.
- Bondarenko E.Yu. Inostrannyye voennoplennyye na Dal'nem Vostoke Rossii: 1914–1956 gg.: diss. ... d.i.n. Vladivostok, 2004. 477 s.
- Dement'ev I.O. «Isklyucheniya iz obshchego pravila»: smena vekh v diskussiyakh zapadnykh istorikov o kharaktere russkoi okkupatsii Vostochnoi Prussii v gody Pervoi mirovoi voyny // *Kaliningradskie arkhivy*. 2014. № 11. S. 75–88.
- Lor E. Russkii natsionalizm i Rossiiskaya imperiya: Kampaniya protiv «vrazheskikh poddannykh» v gody Pervoi mirovoi voyny. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 304 s.
- Nimanov B.I. Osobennosti i osnovnyye faktory soderzhaniya i khozyaistvennoi deya-tel'nosti voennoplennykh v 1914–1917 godakh v Povolzh'e: diss. ... k.i.n. M., 2009. 186 s.
- Semenova E.Yu. Periodicheskaya pechat' i tsenzura v gody Pervoi mirovoi voyny kak faktor formirovaniya mentaliteta rossiiskogo obshchestva (po materialam po-volzhsikh gubernii) // *Izv. Samarskogo NTs RAN*. 2008. T. 10. № 1. S. 71–85.
- Surzhiikova N.V. Voenniy plen v rossiiskoi provintsii (1914–1922). M.: ROSSPEN, 2014. 423 s.

- Surzhikova N.V. Otdel pomoshchi rossiiskim voennoplennym v Ekaterinburge v gody Pervoi mirovoi voyny (fevral' 1915 — mart 1917 gg.) // *Shestye Tatishchevskie chteniya: tez. dokl. i soobshch.* Ekaterinburg: BKI, 2006. T. 1. S. 347–355.
- Talapin A.N. Voennoplennye Pervoi mirovoi voyny na territorii Zapadnoi Sibi-ri: Iyul' 1914 — mai 1918 gg.: diss. ... k.i.n. Omsk, 2005. 240 s.
- Shcherov I.P. Migratsionnaya politika v Rossii 1914–1922 gg. Smolensk: SGPU, 2000. 314 s.
- Yan P. «Nechist' tsarei, nechist' varvarov». Russkaya okkupatsiya Vostochnoi Prussii 1914 g. v vospriyatii nemetskoj obshchestvennosti // *Rossiya i Germaniya v KhKh veke: v 3-kh t.* M.: AIRO-KhKhI, 2010. T. 1: Obol'shchenie vlast'yu. Russkie i nemtsy v Per-voi i Vtoroi mirovykh voynakh. S. 176–191.
- Engelstein L. «A Belgium of Our Own»: The Sack of Russian Kalisz, August 1914 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 10. № 3 (Summer 2009). P. 441–473.
- Gullace N. Sexual Violence and Family Honor: British Propaganda and International Law during the First World War // *American Historical Review*. Vol. 102. № 3 (June 1997). P. 714–747.
- Harris R. «The Child of the Barbarian»: Rape, Race and Nationalism in France during the First World War // *Past and Present*. Vol. 141 (November 1993). P. 170–206.
- Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 2002. 359 p.
- Horne J. State, Society, and Mobilization in Europe during the First World War. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1997. 292 p.
- Kramer A. Dynamic of Destruction: Culture and Mass Killing in the First World War. Oxford: Oxford University Press, 2007. 446 p.
- Nachtigal R. Die Murmanbahn. Die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915 bis 1918). Grunbach: Greiner, 2001. 159 s.
- Sanborn J. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford: University Press, 2014. 288 p.
- Sanborn J. Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I // *Journal of Modern History*. Vol. 77. № 2 (June 2005). P. 290–324
- Zuckerman L. The Rape of Belgium: The Untold Story of World War I. N.Y.: New York University Press, 2004. 339 p.

Суржикова Наталья Викторовна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН; snvplus@mail.ru

**«They fed us terribly and forced to work beyond our strength»
The subject of enemy captivity, atrocities and violence
in the Russian press of 1914–1917**

Based on the materials of more than 20 periodicals the paper shows the ways rhetoric and conception of enemy atrocities that rested on notions of explicitly inhumane enemy captivity was being formed and employed in Russia of 1917–1917. The author cataloguizes captivity images concentrated on pages of the central, regional and local Russian press and demonstrates stages of their development. It is concluded that such activities were determined not only by the task of consolidating belligerent society in the face of the enemy. Constant appeals to the «horrors» of enemy captivity were of much more importance as an indicator of extremely pragmatic attitude of Russia's military and political elite towards the problem of «victims of the war».

Keywords: World War I, periodical press, enemy captivity, rhetoric and conception of atrocities and its functions, radicalization of war, violence

Natal'ya Surzhikova, Dr.Sc. (History), senior research associate, Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences; snvplus@mail.ru